

Высшее образование детей московского купечества во второй половине XIX века

Научный руководитель – Вишленкова Елена Анатольевна

Королева Александра Андреевна

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия
E-mail: alex.98.koroleva@gmail.com

Вторая половина XIX века характеризуется взаимодействием государства и общества в сфере культуры и образования. Государственная политика влияла на (не)привлекательность получения образования для разных социальных слоев. Ограничительные меры по отношению к податным сословиям практически исключили крестьянских детей из российского студенчества, ориентация государства на детей дворян и чиновничества в качестве кадрового резерва могла «отпугивать» от университетов представителей богатого купечества [4]. Многие из них во второй половине XIX века имели «альтруистские» образовательные интересы.

К концу XIX века купеческие дети в Московском университете составляли почти 14% [6, 12] на всех факультетах. При этом именно Московский университет был самым привлекательным и респектабельным местом для обучения сыновей богатого купечества - так называемой купеческой аристократии. Практически никакие другие высшие школы в их личных воспоминаниях не называются. Это может быть объяснено также привычностью и обыденностью для московского купечества топонима «Москва» - основного пространства существования и взаимодействия с общественными институтами.

Московский университет привлекал детей из семей купеческой «аристократии» возможностью удовлетворять их потребность в образовании, приобщении к учености [4], а не в качестве социального лифта. Сыновья успешных купцов имели возможность обучаться деловой практике непосредственно на производстве [8], получать опыт в заграничных компаниях. Благодаря этому необходимость получать техническое/коммерческое образование у них отпадала [2, 3]. А получать достаточное для светской жизни образование они могли дома или в гимназии. Таким образом, купеческие дети имели иные, нежели другие социальные слои, цели поступления в высшие учебные заведения и в частности - в Московский университет.

Принадлежность к наиболее состоятельным и известным общественной деятельностью, благотворительностью и меценатством семьям делала необходимым получение систематического образования. В таких семьях, по культурному уровню и образу жизни мало отличавшихся от дворянских, домашнее/гимназическое образование являлось нормой и для дочерей, и для сыновей [7]. Высшее образование считалось желательным, но не обязательным. Купеческим сыновьям (сведений о купеческих дочерях с высшим образованием найти не удалось) предоставлялся выбор собственной траектории обучения [1]. Иногда выбор высшего образования определялся старшими членами семьи, чьи решения относительно обучения детей могли быть продиктованы деловыми соображениями, интересами семейного дела и собственным опытом [5]. В целом поставленные старшими членами семьи задачи не лимитировали детей. Последние, преследуя определенные «деловые» цели родителей, встраивались в академическую среду и приобщались к «высшей» учености, удовлетворяя одновременно и личную потребность в учении, и интересы фирмы [9].

Дети аристократического московского купечества довольно органично вписывались в жизнь высшей школы, предварительно ассимилировавшись в высшем слое российского общества (дворянстве) и его культуре, приняв его нормы и традиции и сохранив при этом свои собственные [2]. В таком ключе это социо-культурное явление можно трактовать как процесс размывания сословных границ [10]. Однако сложнее его перенести на академическую среду, в которой он протекал иначе.

На основании приведенных в купеческих воспоминаниях свидетельств можно сделать вывод о том, что размывание сословных границ внутри университетской среды выразилось скорее в перекраивании границ, по которым происходило деление на сословные группы. Так, представители купеческой «аристократии» соединились в восприятии современников с представителями аристократии дворянской - по поведенческим и культурным признакам. В студенческой среде, таким образом, на первый план вышел не экономический успех (богатство и положение в обществе), а интеллектуальный (интерес к учебе, отстраненность от светского образа жизни и свойственных ему развлечений). При этом росту престижа человека в обществе способствовали одновременно оба этих критерия: личное богатство или богатство семьи ставило человека в более выигрышную позицию по отношению к остальным членам общества, а наличие высшего образования и высокий культурный уровень давали возможность играть доминирующую роль в культурной среде общества [11]. Именно благодаря обоим этим составляющим московское купечество начало играть лидирующую роль в гетерогенном культурном пространстве поздней имперской России.

Источники и литература

- 1) Бахрушин С. В. Из воспоминаний / Публ., прим. А. М. Дубровского // Проблемы социальной истории Европы: от античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 141–174.
- 2) Бурьшкин П. А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. 352 с.
- 3) Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым (с 1848–1854 г.) Часть третья и последняя. М., 1911. 155 с.
- 4) Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995. 352 с.
- 5) Зилоти В. П. В доме Третьякова: Мемуары / Вступ. ст. М. Л. Гавлина. М., 1992. 256 с.
- 6) Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине 19 века. М., 1971. 368 с.
- 7) Морозова М. К. Мои воспоминания / Публикация Е. М. Буромской-Морозовой, прим. Д. М. Евсеева // Наше наследие. 1991. Вып. 6. С. 89–109.
- 8) Найденов Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном, испытанном. М., 2007. 576 с.
- 9) Рябушинский В. П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. Москва, Иерусалим, 1994. С. 133–168.
- 10) Цыганков Д. А. Студенты-старообрядцы в Московском университете // Мир старообрядчества: История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 100–118.
- 11) Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. 300 с.
- 12) Kassow Samuel D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley, LA, London, 1989. 438 p.